

себя: порабощение и устрашающую эксплуатацию. Труд для работника становился телесным наказанием, для хозяина – доходным рабством. Кабальный характер чужого труда приводит к новой исторической фигуре – появляется кабаловладелец.

О.А. Кожевников

Правовое регулирование права на объединение в РФ с учетом правовых позиций Европейского суда по правам человека

В настоящее время общепризнанным является взгляд на права человека как на универсальную категорию, отражающую наднациональные и общечеловеческие требования в области свободы личности. В этом плане права человека являются не только государственно-правовой категорией, а общесоциальным понятием и соответственно обладают рядом соответствующих характеристик:

1. Они вытекают из природы самого человека и определяются уровнем развития человеческой цивилизации;
2. Они принадлежат каждому индивиду от рождения, для обладания ими не требуется наступления каких-либо юридических фактов;
3. Они складываются в результате социально-экономического и политического развития общества;
4. Они существуют независимо от их государственного признания¹.

Не вызывает никаких сомнений, что право на объединение является основным правом человека в его общесоциальном значении, т.к. непосредственная реализация каждым указанного права является не только неотчуждаемой и прирожденной характеристикой любого индивида, но и способствует реализации всего комплекса прав и свобод, являющихся продуктом развития человеческой цивилизации. С другой стороны, социальные, ценностные характеристики права на объединение не исчерпываются его личностными аспектами как субъективного права. Конституция РФ 1993 года подходит значительно шире к регулированию соответствующей сферы общественных отношений, рассматривая общественные объединения в качестве важного институционального

¹ Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д., 1996. С. 132.

элемента Конституционного строя России (ст. 13 Конституции РФ). В этом находит свое признание многоплановое, универсальное значение права на объединение, осуществление которого, способствует реализации всего комплекса прав и свобод, а также является важным средством не только социализации личности, но и формирования гражданского общества в целом.

В последнее время, изучение проблем права на объединение актуально не только с точки зрения национального законодательства, но и принятых международно-правовых документов, поскольку право на объединение, являясь одним из основополагающих в системе прав и свобод личности, находит свое закрепление как во внутригосударственном, так и в международном праве.

Мировые и европейские нормативные документы о защите прав человека содержат определенный набор общих для всех их гарантий свободы объединения. Кроме того, в ряде международно-правовых документов содержатся нормы, относящиеся к объединениям с определенными целями либо особым типом членства. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. провозгласила: «Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций. Никто не может быть принуждаем вступать в какую-либо ассоциацию»¹. Данное право в числе других неотъемлемых прав составляет основу достоинства человека и является «основой свободы, справедливости и всеобщего мира». Последующие международные документы в обязательном порядке включали право на объединение в число важнейших положений, закрепляемых тем или иным актом. Предметом регулирования разного рода конвенций, деклараций, договоров, касающихся прав и свобод человека и гражданина, могут быть различные сферы жизнедеятельности людей, но неизменно в них находит отражение право на объединение и связанные с ним особенности конструкции соответствующих норм, в том числе предусматривающих создание объединений. Так, согласно Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. участвующие в нем государства, каковым является и Россия, обязались обеспечить «право каждого человека создавать для осуществления и защиты своих экономических и социальных

¹ Ст. 20 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.// Права человека: Сб. международных документов. М., 1986. С. 26.

интересов профессиональные союзы и вступать в таковые по своему выбору при единственном условии соблюдения правил соответствующей организации». Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. признается право на мирные собрания», а также предусмотрено, что «каждый человек имеет право на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

В соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г. «каждый имеет право на свободу мирных собраний и свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов». Государства-участники Конвенции о правах ребенка 1990 г. признали право ребенка на свободу ассоциации и свободу мирных собраний, понимая ребенком «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста».

Поскольку положения большинства международно-правовых актов носят слишком общий характер, а российские правоприменительные органы не всегда и не везде в должной мере соблюдают и применяют нормы международного права, то при определении сферы действия свободы объединения более подходящий источник – дела, разбиравшиеся в судебных и квази-судебных органах в рамках договоров, предусматривающих право подачи индивидуальных и коллективных исков и жалоб для защиты нарушенного права. В связи с этим интересна на наш взгляд практика Европейского суда по правам человека по проблемным вопросам права на объединение, при этом следует иметь в виду, что прецедентное право способно регулировать лишь те проблемы, которые уже становились предметом рассмотрения различных судебных органов. Кроме того, вмешательство в деятельность объединений может затрагивать и иные права и свободы: право на справедливое судебное разбирательство, право на собственность, свободу собраний, свободу совести, свободу переписки и свободу выражения мнения.

Для целей международной защиты свободы ассоциации Европейским судом по правам человека понятие «объединение» толкуется достаточно широко и применяется к самому широкому кругу сообществ физических лиц, в тоже время европейский суд по правам человека под понятием «объединение» определяет не просто группу

индивидуумов имеющих общую цель, но и некоторую степень стабильности и какую-то (пусть неформальную) институциональную структуру, входя в которую люди действительно будут считаться принадлежащими к данному объединению.

Во многих случаях объединения являются организациями с формальным статусом, т.е. обладают правосубъектностью – и это как раз то, чего хотят основатели большинства из них. Тем не менее, международные гарантии права на объединение распространяются не только на такие организации, но и на объединения неформального характера. Это необходимым образом вытекает из общей свободы лиц самим определять форму своего объединения. Предоставление определенной защиты и неформальным организациям особенно важно в тех случаях, когда созданному объединению безосновательно отказывается в приобретении формального статуса, но оно важно и тогда, когда объединяющиеся лица считают, что их организация не должна иметь формального правового статуса. Таким образом, у государства нет полномочий требовать, чтобы свобода объединения распространялась только на организации, обладающие правосубъектностью.

Помимо отсутствия у объединения незаконных и противоречащих Конституции целей, единственным условием, необходимым для признания организации объединением для Европейского суда по правам человека является отсутствие намерения создать коммерческую организацию; если же коммерческая деятельность осуществляется, то любая прибыль должна направляться на достижение общих целей, а не распределяться между ее членами. Таким образом, понятие права на объединение Европейский суд по правам человека связывает лишь с объединением в некоммерческие организации, это условие продиктовано тем, что право на свободу объединений является не экономическим, а гражданским и политическим правом. Но это не означает, что объединение не может как-либо содействовать реализации экономических интересов своих членов: включение профсоюзов в сферу действия гарантий свободы объединения как нельзя лучше доказывает, что защита имущественных интересов членов объединения является абсолютно законной деятельностью, а защищаемые объединением блага могут быть как экономическими,

так и моральными, физическими, социальными или духовными. Но если основная цель организации – торговля или какая-нибудь иная форма бизнеса, то гарантии защиты ее интересов лучше искать в правовых нормах, защищающих не свободу объединений, а право на собственность¹.

Тот факт, что в ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, как впрочем и в статье 30 Конституции РФ явным образом упоминается только одна форма объединения – профсоюзы, может навести на мысль, что либо они пользуются привилегированным положением, либо статья не охватывает иные формы. Однако при рассмотрении дела *United Communist Party of Turkey and Others v Turkey*, Европейский Суд по правам человека ясно дал понять, что особое упоминание о профсоюзах – не более, чем напоминание, что и они пользуются защитой как объединения. Слово “включая” употребленное в статье 11 Европейской конвенции о защите прав и свобод человека “ясно показывает, что профсоюзы – один из многочисленных примеров того, как может осуществляться право на свободу объединений”. В одном из дел, связанном с роспуском политической партии, Европейский Суд по правам человека заявил, что политические партии “необходимы для правильного функционирования демократии в системе Конвенции” и поэтому не могут быть исключены из сферы действия статьи 11. Таким образом, очевидно, что ни одна категория объединений априори не исключается из сферы действия общих гарантий свободы объединения. Считаем, что данная позиция в полной мере относится к толкованию ст. 30 Конституции РФ, имеющая аналогичное текстовое содержание.

В тоже время следует отметить, что некоторые организации с позиций Европейского суда по правам человека могут считаться объединениями с точки зрения внутригосударственного права, однако не являются таковыми для целей ст. 11 Европейской конвенции о защите прав и свобод человека или других международных норм. Это относится к многочисленным организациям, учрежденным в соответствии с требованиями закона, членство в которых часто бывает принудительным для представителей определенных профессий: врачей,

¹ См., например, дела *Agrotexim and Others v Greece* от 24 октября 1995 г. и *Lithgow and Others v United Kingdom* от 8 июля 1986 г., которые касались защиты интересов акционеров, пострадавших от действий против компаний.

юристов, архитекторов и т.п. Европейский Суд рассматривает их как организации, действующие в рамках публичного права, призванные регулировать конкретную профессию и потому не подпадающие под защиту статьи 11 или других гарантий свободы объединений¹. Аналогичный взгляд сложился и на такие организации, как производственные советы, которые согласно трудовому законодательству должны быть созданы для регулирования участия персонала в управлении на рабочем месте; это – единственное основание, на котором происходит объединение его членов, и обязанности подобного объединения достаточно, чтобы соответствующие органы не попадали под защиту статьи 11¹. Проводя аналогию с российским законодательством, по нашему мнению к ним следует отнести сообщества нотариусов или адвокатские сообщества.

В то же время тот факт, что какое-то объединение было создано в силу требований закона, сам по себе еще не означает, что оно не будет считаться объединением для целей международных гарантий. Так, в деле *Chassagnou and Others v France* Суд, не колеблясь, определил как объединения те сообщества, которые были созданы с целью организации охоты и состояли “из охотников и владельцев земли или охотничьих прав, и соответственно, частных лиц, которые ... хотели сдать свою землю для охоты”. То, что действия этих объединений контролировались префектом, не имело для Суда значения, так как этот факт еще не позволял считать их частью государственных структур. Большое значение было придано и тому обстоятельству, что данные организации не пользовались никакими (вне сферы деятельности обычного права) административными или дисциплинарными полномочиями. Как было

¹ См., напр., дело *Le Compte, Van Leuven and De Meyere v Belgium* от 23 июня 1981 г. (оспаривалась обязанность принадлежать к организации, которая должна была вести официальный список практикующих врачей) и *OVR v Russia*, решение о приемлемости от 3 апреля 2001 г. (оспаривалось требование принадлежать к региональной нотариальной конторе под угрозой потери права практиковать в качестве частного нотариуса). Таков же был подход Европейской Комиссии к жалобам № 13750/88 *A and Others v Spain*, 66 DR 188 (1990), № 8734/79 *Barthold v Federal Republic of Germany*, 26 DR 145 (1981 г.), № 14331/88 и 14332/88 *Revert and Legallais v France*, 62 DR 309 (1989 г.), связанным с обязательностью членства в организациях, созданных в соответствии с законодательством для регулирования деятельности юристов, ветеринаров, архитекторов. С тех же позиций рассматривалась жалоба № 14596/89 *Weiss v Austria*, 71 DR 158 (1991).

по данному делу, попытки исключить конкретное сообщество из сферы действия гарантии свободы объединения на том основании, что оно носит “публичный” или “квази-административный” характер, не приведут к успеху: в каждом конкретном случае необходимо анализировать действительную сущность организаций.

Анализ положений практики Европейского суда по правам человека, Конституции РФ, отраслевого законодательства РФ позволяет выделить следующие основные принципы создания и деятельности объединений – добровольность, равноправие, самоуправление, законность и гласность.

Принцип добровольности основывается на ст. 30 Конституции РФ, предусматривающей, что каждый имеет право на объединение. Это означает, что объединяющиеся лица только добровольно выражая свою волю и желание вступают в объединения либо воздерживаться от вступления в них. В части второй ст. 30 Конституции РФ устанавливается, что никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем.

Практика Европейского суда по правам человека однозначно определила, что возможность создавать объединения и вступать в них должна принадлежать каждому находящемуся под юрисдикцией данного государства, и случаи, при которых возможно ограничение этого права, очень немногочисленны. Слово “каждый” обозначает как физических, так и юридических лиц, так как свобода создания и вступления в объединение является правом, которым могут пользоваться не только отдельные лица. Единственным исключением являются государственные органы, поскольку они представляют собой часть государства, которое должно защищать свободу объединений, а не пользоваться ею. Из формулировки права на свободу объединения следует, что ею имеют право пользоваться как взрослые, так и дети, что, однако, не препятствует введению защитных мер для предотвращения причинения детям морального или иного вреда. Такие меры, если они носят сбалансированный характер, могут быть признаны соответствующими ст. 11 Европейской конвенции о защите прав и свобод человека, вторая часть которой содержит ряд правомерных ограничений свободы объединения. При оценке допустимости введения соответствующих мер должна приниматься во внимание ст. 5 Конвенции

о правах ребенка, требующая учитывать “развивающиеся способности ребенка”. Подразумевается, что любое ограничение прав ребенка должно смягчаться, когда тот взрослеет.

Всеобъемлющий характер слова “каждый” означает также, что свобода объединения, в принципе, должна распространяться и на лиц, не являющихся гражданами (т.е. граждан других государств и лиц без гражданства). Ст. 16 Европейской конвенции о защите прав и свобод человека признает возможность введения некоторых ограничений на политическую деятельность неграждан, что распространяется и на свободу объединений. Однако можно признать приемлемыми только такие ограничения, которые соответствуют целям Конвенции: политической демократии, свободе и принципу верховенства права. Они также должны быть соразмерными.

Свобода объединения включает в себя как право лица на создание объединения, так и право присоединиться к объединению. Право на членство в объединении, по нашему мнению, должно лишь сводиться к ограничению полномочий государства необоснованно ограничивать право людей вступать в ассоциации. Принуждение людей вступать в какое-либо объединение практически равнозначно отказу членам этой ассоциации в праве выбирать, с кем они хотят сотрудничать. Однако ограничение права членов решать, кого принять в ассоциацию, можно обосновать тем, что ни при каких условиях нельзя допускать дискриминации других людей и нужно защищать их права, как подчеркнуто в пункте 2 ст. 11 Европейской конвенции о защите прав и свобод человека.

Обращает на себя внимание тот факт, что согласно правовой позиции Европейского суда по правам человека тюремное заключение ограничивает возможность лица участвовать в деятельности ассоциации, но оно не должно служить препятствием к тому, чтобы данное лицо оставалось ее членом и было в курсе всех дел ассоциации. Вряд ли можно доказать, что какое-то ограничение свободы объединения, идущее дальше вполне понятной невозможности для заключенных присутствовать на собраниях ассоциации, действительно необходимо для целей, реализуемых через наказание. Именно эта необходимость и является своеобразным тестом для оценки обоснованности ограничения тех иных прав человека, связанного с лишением свободы.

Тем не менее, иногда ограничение права на свободу объединения в отношении какого-то лица может быть допустимо, например, в качестве наказания за определенное поведение. При этом должна существовать законная цель подобного ограничения (одна из перечисленных в части второй ст. 11), и оно должно быть соразмерно содеянному. Так, одним из наказаний, наложенных на бельгийского издателя газеты, который во время II Мировой войны сотрудничал с оккупационными властями, был пожизненный запрет на занятие руководящих должностей в профессиональных, неправительственных организациях и политических партиях. Такой метод наказания не рассматривался Европейской Комиссией в связи с данным конкретным делом (*De Becker v Belgium*), но она постановила, что столь серьезные ограничения не могут быть обоснованы в том случае, если речь не идет об участии в политической жизни: сфера ограничений оказывается слишком широкой. До Европейского Суда дело так и не дошло, так как заявитель отозвал жалобу после того, как ограничения его гражданских и политических прав были отменены, а закон, предусматривавший их, изменен (ограничения стали применяться лишь на определенный срок, зависящий от тяжести преступления). Но понятно, что Суд потребовал бы серьезного обоснования подобных ограничений свободы объединения и из-за несоответствия их масштаба и длительности применению природе правонарушения вряд ли признал бы их приемлемыми. В связи с этим вышеизложенным вполне уместным является вопрос о соответствии нормам Европейской конвенции о защите прав и свобод человека. Пункта 5 статьи 19 Федерального закона «Об общественных объединениях», предусматривающей, что не может быть учредителем, членом, участником общественного объединения лицо, содержащееся в местах лишения свободы по приговору суда. Как уже было указано ранее, тюремное заключение лишь может ограничивать возможность лица участвовать в деятельности объединения, но оно не должно служить препятствием к тому, чтобы данное лицо оставалось ее членом и было в курсе всех дел объединения. Следует отметить, что данное основание ограничения права на объединение отсутствует в ст. 15 Федерального закона «О некоммерческих организациях».

Принцип равноправия в объединениях означает равенство в правах и обязанностях независимо от того, является ли лицо руководителем или рядовым членом (участником) этого объединения. Данный принцип базируется на ст. 19 Конституции РФ, которая закрепляет со стороны государства гарантию равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. Конституция РФ запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

В то же время принцип равноправия не препятствует объединениям создавать для своих членов и участников дополнительные возможности, оказывать специальные услуги, исходя из своих собственных ресурсов и в соответствии со своими уставами.

Принцип самоуправления в объединениях означает право членов и участников объединения на участие в делах объединения, что выражается в праве избирать и быть избранным в различные органы управления, обсуждать и участвовать в принятии решений, направленных на реализацию целей и задач объединения.

Самоуправление объединений выражается также в том, что они свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов деятельности, что, в частности, получило закрепление в ст. 15 Федерального закона РФ «Об общественных объединениях».

В соответствии с **принципом законности** объединение должно действовать в рамках имеющегося законодательства. Это означает, что объединения обязаны обеспечивать исполнение указанных нормативных актов как при осуществлении своей деятельности, так и при разработке своих внутренних актов.

Квалифицируя те или иные цели как противоречащие закону, необходимо отметить, что при их оценке на предмет законности, не следует слишком широко трактовать смысл допускаемых международно-правовыми нормами ограничений и, соответственно, препятствовать объединению в преследовании его вполне законных целей. Как неоднократно подчеркивал Европейский суд по правам человека государства не пользуются полной свободой объявлять

незаконным то, что им приходится не по вкусу¹. Даже если определенные виды деятельности считаются в стране незаконными, это еще не значит, что данная деятельность не может в той или иной степени отражаться в провозглашенных целях предполагаемого объединения. Например, безусловно возможно создание объединения, преследующего цели изменения действующего законодательства, – но, естественно, только законными способами. Признание этого положения можно увидеть в деле *X v United Kingdom* (жалоба № 7525/76, 11 DR 117 (1978)). Суд счел, что распространение и масштабы определенных преступлений, связанных с гомосексуальными отношениями, были не настолько велики, чтобы устанавливать запрет на пропаганду реформы в сфере уголовного права. Суд также подчеркнул, что представленный ей материал не подтвердил утверждения о том, что одно лишь существование «определенной ситуации» в группах, клубах или обществах гомосексуалистов может противоречить закону» и этим продемонстрировала, насколько узки полномочия ограничивать цели объединений с помощью уголовно-правовых норм. Тот факт, что те или иные действия могут в определенной ситуации составлять преступление, еще не означает, что не могут существовать какие-то группы людей, все же осуществляющих такие действия, если их целью не является пропаганда подобной деятельности.

С другой стороны, в деле *Lavissee v France* (№ 14223/88, 70 DR 218 (1991)) не выдвигалось никаких возражений против отказа регистрировать ассоциацию, ставящую своей целью пропагандировать суррогатное материнство. Поддержка этой идеи могла быть расценена как подстрекательство к преступлению отказа от своих детей. Тем не менее, Европейская Комиссия посчитала важным, что этот отказ (который означал, что ассоциация не может быть зарегистрирована) все же не помешал организации бороться за изменение закона.

¹ Так, в деле *Sidiropoulos and Others v Greece* 1(0 июля 1998 г.) греческое правительство не сумело убедить Европейский Суд в том, что сохранение культурных традиций, исторических и культурных символов страны может служить основанием для ограничения свободы объединения, предусмотренного ст. 11 (2) ЕКПЧ. Однако Суд согласился с тем, что оспариваемые ограничения могут быть расценены как призванные защитить национальную безопасность и предотвратить беспорядки, поскольку некоторые действия заявителей были направлены на подрыв территориальной целостности Греции

Из решения видно, что отказ в регистрации ассоциации лишь на том основании, что она собиралась пропагандировать изменения законодательства, противоречит ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Аналогичные возражения могли возникнуть в отношении ассоциации, которая собиралась продвигать идею легализации употребления марихуаны в Финляндии, где оно на тот момент было уголовно наказуемым. Во многих отношениях объединение могло рассматриваться как сговор с целью совершения преступления, что выходило за рамки борьбы за изменение законодательства.¹

Защита права объединений бороться за изменение законодательства охватывает и право предлагать изменения существующих конституционных основ. Так, в деле *The Socialist Party and Others v Turkey* Европейский Суд не согласился с возражением турецкого правительства, что требование партии-заявителя о введении в Турции федеральной системы, в которой турки и курды имели бы одинаковый статус, недопустимо, поскольку привело бы к изменению существующего конституционного порядка. Мнение Суда, что такие цели нельзя считать неприемлемыми, вытекает из признания важности политического плюрализма, защищаемого Европейской конвенцией по защите прав человека и основных свобод и другими международно-правовыми документами. На этом основании Суд заключил, что, хотя данная политическая программа и противоречит современным политическим принципам Турецкого государства, это не означает, что она противоречит принципам демократии. Ведь сущность демократии – позволить выдвижение и обсуждение политических программ, даже тех, которые подвергают сомнению существующую организацию государства, в случае, если эти программы не наносят вред самой демократии.

Именно исходя из данного толкования на наш взгляд следует понимать ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию

¹ Жалоба № 26712/95, *Larmela v Finland*, 89 DR 64 (1997). Однако здесь основной проблемой было то, что марихуана, употребление которой пропагандировала ассоциация, вредит здоровью людей. Поэтому в данном деле речь идет о неприемлемости цели.

Российской Федерации и законы, при этом общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Принцип гласности в объединениях предполагает информационную открытость, что дает возможность лицам, изъявившим желание вступить в члены или принять участие в том или ином объединении, познакомиться с его целями и задачами, правами и обязанностями членов и участников.

Этот принцип основан на п. 4 ст. 29 Конституции РФ, которая предусматривает право каждого «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

Принцип гласности для общественных объединений закреплен в части 2 ст. 15 Федерального закона РФ «Об общественных объединениях», в соответствии с которой «деятельность общественных объединений должна быть гласной, а информация об их учредительных и программных документах - общедоступной». Доступность такой информации обеспечивается, в частности, тем, что уставы общественных объединений хранятся в регистрирующих органах и в случае достаточных на то оснований могут быть истребованы в соответствии с законодательством и переданы общественной огласке.

Для фондов, в том числе для общественных фондов, в законе предусмотрена специальная норма, обеспечивающая принцип гласности при использовании имущества. Согласно ст. 118 ГК РФ, «фонд обязан ежегодно публиковать отчеты об использовании своего имущества».

Следует, правда, признать, что в настоящее время непосредственное применение норм международного права не является традиционным и представляет определенную сложность, поэтому гораздо предпочтительней выглядит другой путь, т.е. "трансформация" норм международного законодательства в законодательство национальное с последующим применением этих норм и разработкой внутригосударственных механизмов их реализации¹. Надо признать,

¹ Готов С.А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека. Саратов, 1999. С. 199–229.

что в России отсутствуют традиции применения норм международного права, включая слабую осведомленность по этому поводу даже профессиональных юристов, однако, препятствия эти не являются непреодолимыми и необходимо сосредоточить все усилия на внедрении в повседневную практику судов и других правоприменительных органов международных норм и механизмов в области прав человека¹.

Е.М. Кропанева

О проблемах юридического закрепления права на достойное существование человека

На политическую историю XX столетия особенно повлияли два философских направления – марксизм и ницшеанство, ревизовавших ценности традиционного гуманизма. Парадоксально, но оба эти направления мысли, базирующиеся на мировоззрениях, во многом, противоположных друг другу, представляли весьма сходный философский инструментарий для создания политических режимов, принципиально и начисто исключающих независимость, достоинство и свободу личности, в то же время, предоставлявших социальные гарантии гражданам своих государств. Политическими режимами, использовавшими инструментарий двух этих философских направлений, были достигнуты бесспорные успехи во внешней, формальной модернизации общества (индустриализация, урбанизация, массовое образование и др.). Вместе с тем, возникшие в них новые общественные структуры оказались своеобразными репликами традиционных, феодальных (иногда даже с элементами рабовладения – массовое использование подневольного труда заключенных) отношений. Русские марксисты (идейные сторонники Г. Гегеля), и итальянские фашисты (последователи Ф.Т. Маринетти и Ж. Сореля), и немецкие нацисты (поклонники Ф. Ницше и Р. Вагнера), сошлись, пожалуй, в одном-единственном пункте: враждебном отношении к «буржуазным правам и свободам». Ни И. Бентам, ни К. Маркс, ни Ф. Ницше не предвидели и не могли предвидеть тех кошмарных результатов, которые принесет практическое воплощение их философских построений².

¹ Ткачев В.Н. Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека// Права человека в России: время надежд и разочарований. Ростов на Дону, 1998. С. 22.

² См.: Свобода. Равенство. Права человека / Под ред. Л.М.Богораз. М., 1997. С. 105.